Ю. Ю. МАРХЛЕВСКИЙ.

ГН51
М 313

ПОЛЬША и МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1920.

Ю. Ю. МАРХЛЕВСКИЙ.

ПОЛЬША и МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1920.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

1. 1988
п

ГН51
М 319 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. С.К.П.(б)

~~4/8~~
~~28~~ 43105

У

Вторая Государственная типография, Трехпрудный 9

Польша и мировая революция *).

1. Польский вопрос в буржуазной и в пролетарской революции.

Было время, когда стремление польского народа к свержению чуждого ига считалось революционным фактором в европейских освободительных войнах. И это действительно было так. В период борьбы революционной Франции с коалицией монархий, «восстание» Костиушки (1792 г.) парализовало на время силы Пруссии, Австрии и России. В 1830 году польское восстание спасло Европу от вмешательства царской армии. Между тем оба движения носили дворянский характер, вовсе не знаменуя собою революционного восстания польского народа. Правда, в 1848 году польские эмигранты, главным образом, из среды дворянства, участвовали в освободительной борьбе во Франции, Венгрии, Италии и Германии, но в самой Польше дело не шло дальше попыток поднять народное возмущение.

В 1863 году, благодаря позорному владычеству царских ставленников, в Польше вспыхнуло последнее национальное восстание. Но оно произошло как раз в эпоху мрачной реакции в Европе; повстанцы истекли кровью в неравной борьбе.

Есть что-то символическое в том, что это неудавшееся *национальное* восстание дало внешний толчок к образованию первого *Интернационала*. Известно, что Маркс и Энгельс воспользовались созванным в Лондоне для выражения сочувствия польскому восстанию совещанием английских и французских рабочих и революционных групп других стран для провозглашения идеи боевого международного союза рабочих, как единственного средства их победы над своими классовыми угнетателями.

В самом деле, прошло время, когда национальные движения служили революционным фактором. Стремление немцев к национальному объединению, имевшее в 1848 году революцион-

---

*) Предлагаемая читателям в новом оттиске статья, писанная в сентябре 1919 г., была помещена в 6-м и 7-м номерах «Коммунистического Интернационала». Она печатается вновь без изменения. События, происшедшие с того времени, излагаются в последней главе: «Польша в войне против Советской России».

ное значение, вылилось в 1870 году в реакционное движение, как показала коварно спровоцированная война с Францией. Национальное объединение Италии точно также было следствием «государство-охраниельной» политики. В обоих случаях дело не было доведено до конца, так как архи-реакционное здание Габсбургской монархии вполне уцелело, удержав за собою части как немецкого, так и итальянского народов. Последняя четверть 19-го столетия принесла балканским народам освобождение от турецкого ига, но это освобождение было результатом борьбы за наследство «больного человека» между европейскими державами, заинтересованными в том, чтобы национальный вопрос на Балканах не был решен окончательно, так что Балканский полуостров продолжал быть адским котлом, бурление которого порождало постоянные кровопролития.

Таким образом проблема «национального государства», являющегося в сущности чисто буржуазным идеалом, не была разрешена в период возрастания господства буржуазии. Целый ряд «вопросов», как «ирландский вопрос», «балканский вопрос», «польский вопрос»,—остался неразрешенным. Все эти вопросы продолжали существовать в скрытом состоянии, и не ими было вызвано столкновение мировых держав, ввергшее капиталистический мир в кровавую бойню в 1914 году. Но эти неразрешенные вопросы, как злые призраки, снова выползли на свет в момент ликвидации империалистической войны, и снова мы видим все тот же реакционный лик их. В Англии революционное движение тормозится «ирландским вопросом». Исключительно лишь национальное ослепление превращает румынских крестьян в палачей венгерской революции. А Польша, освободительные тенденции которой вызывали некогда восторг всех революционных умов Европы, играет теперь роль «европейского жандарма». Последнее обстоятельство является особенно горьким разочарованием для всех, кто не освободился еще от последних остатков буржуазного идеализма. (Таких людей не мало и среди мнимых марксистов.) Между тем это разочарование—прямое следствие недостаточного знакомства с истинным положением дел в Польше. Мы, польские марксисты, в течение целых тридцати лет не уставали разоблачать иллюзию об исключительной яко бы, не в пример прочим, революционности польского национализма.

Истина такова: пока имели место буржуазные революции, польские освободительные стремления были действительно революционным фактором. Но с тех пор, как социальное развитие сделало мыслимыми исключительно взрывы классовой борьбы пролетариев против буржуазии,—а эти взрывы не миновали и Польшу,—«польский вопрос» приобрел совершенно иной характер. Польская буржуазия ищет себе союзников в

лагере реакции, и только пролетариат в Польше стоит на стороне революции. Но пролетарская революция стремится к уничтожению классового государства, и польский пролетариат не может мечтать о создании польского классового государства; его борьба должна быть направлена на создание новой общественной формы—социалистической федерации пролетариев Европы.

Это приводит к следующему противоречию: вождями польского восстания 1830 г. были отчасти ультрареакционные польские шляхтичи, нисколько не собиравшиеся признать буржуазное равноправие за польским крестьянством, и тем не менее указанное восстание было революционным актом, спасшим, как уже сказано, Европу от вмешательства царской России. Ныне же мы видим как «честные демократы», борющиеся за независимое польское государство, ищут помощи у контр-революционеров, соглашаясь за это взять на себя роль «охранителей Европы от большевизма».

2. Социальные отношения в польских землях до мировой войны.

Польские земли под царским игом.

Чтобы читатель, незнакомый с польскими условиями, мог лучше понять развертывающиеся сейчас в Польше события, необходимо набросать краткий очерк развития трех частей Польши за последнее время.

Мы начинаем с той части, которая была под русским владычеством.

После усмирения восстания 1863 года, царское правительство провело аграрную реформу, сделавшую крестьянина *собственником обрабатываемого им участка земли*. Эта реформа часто ошибочно называется «освобождением от крепостной зависимости». Это неверно, так как официально крепостное право в этой части Польши было отменено еще Наполеоном (во время существования «герцогства Варшавского»). Но это «освобождение» кончилось тем, что крестьяне потеряли всякое право на обрабатываемую ими землю. На практике аграрные отношения в этой части Польши в период 1808—1864 гг. сводились к тому, что крестьяне арендовали помещичью землю, платя за нее не наличными деньгами, а отработками на помещичьих землях. На бумаге они были свободны, но эта свобода вела к тому, что помещик мог во всякое время прогнать крестьянина со двора. Это и случалось довольно часто, и если польским помещикам не удалось тогда же окончательно пролетаризовать крестьянство, то виною тому был исключительно недостаток у них денежных средств. Крестьяне продолжали владеть рабочим скотом и другими необходимыми для обра-

ботки земли средствами производства; в 1864 г. они стали собственниками и тех земель, которые они арендовали до тех пор. Помещики были вынуждены прибегнуть к наемному труду для обработки своих земель.

Это вызвало капитализацию сельского хозяйства. Но в то же время уничтожение таможенных преград, отделявших до 1849 года Польшу от России, породило расцвет польской промышленности. По мере развития железнодорожной сети в России, Россия оказывалась довольно емким рынком для сбыта продуктов промышленности, в особенности шерстяных товаров, между тем как в распоряжении польской промышленности находилась дешевая рабочая сила и, что особенно важно, дешевый кредит и техническая помощь со стороны Германии. Торговые сношения между Россией и Польшей становились с каждым годом все оживленнее: Польша получала из России во все увеличивающихся размерах сырье: лен, коноплю, шерсть, кожу, меха, лес, скот, сало, давая ей взамен, кроме продуктов текстильной промышленности, также железные изделия, машины и орудия. Сеть торговых сношений становилась все гуще и гуще.

Начиная с 1880 года, западная Россия получала из Польши в большом количестве уголь; с другой стороны, развившаяся промышленность Донецкого бассейна стала снабжать польские заводы железной рудой высокого качества. Новым этапом на пути развития русско-польских сношений явилось привлечение лодзинских фабрикантов к эксплоатации хлопковых плантаций в Средней Азии и усиленный ввоз в Польшу бакинской нефти. Особенно способствовало общности торговых интересов обоих стран то обстоятельство, что Польша стала отправлять в Россию избыток своих инженеров. В результате этого процесса, польская промышленность к началу XX столетия оказалась спаянной с русской промышленностью общими трестами и синдикатами. Именно это явление имела в виду Роза Люксембург, говоря об «органическом слиянии» Польши с Россией, хотя противники марксизма сознательно старались совершенно исказить истинный смысл этого «слияния». Речь шла просто об установлении следующего факта: между тем, как до 1863 года господство царизма над Польшей было чисто механическим, опиравшимся исключительно на грубое насилие, исключавшим возможность сколько-нибудь тесной связи между обоими странами, позднейшее развитие хозяйственного взаимодействия вело ко все более тесному, «органическому» слиянию их. Само собой понятно, что это порождало также известные социальные последствия. Для польской промышленной буржуазии это отожествление ее интересов с интересами русской буржуазии означало полнейшее заражение ее идеями русского империа-

лизма. Конечно, между русскими и польскими фабрикантами возникали трения. По отношению, напр., к таможенной политике или к железнодорожным тарифам, их интересы часто расходились, и польские промышленики и купцы нередко жаловались на затруднительность сбыта их товаров в России, а московские фабриканты яростно вопили о губительном влиянии лодзинских цен на русскую промышленность. По существу, это был «семейный спор», какой нередко можно наблюдать в любом государстве между различными группами буржуазии. Зато польские буржуа не менее русских были заинтересованы в усилении царской империи, ибо всякое усиление последней означало расширение поля деятельности капитализма, а стало быть и увеличение прибыли. Когда в Думе и Государственном Совете господа Дмовский, Грабский и К° выступали сторонниками русского империализма, это было далеко не лицемерие, как утверждали Пуришкевич и компания; ими в значительной степени руководило сознание общности интересов буржуазии России и Польши. Но больше всего польских и русских капиталистов объединяли их непосредственные классовые интересы в борьбе с пролетариатом. Чем сильнее становилось рабочее движение, тем искреннее становилась преданность польской буржуазии царизму, и тем страстнее становилось ее влечение к «твердому порядку», как спасению от «переворота».

Дворянство оставалось гораздо дольше в оппозиции к царизму. Помимо политических традиций—почти каждая дворянская семья пострадала во время восстаний—здесь действовали еще экономические причины. После 1863 г. царское правительство сознательно покровительствовало крестьянству за счет дворянства. При наделении крестьян землею в многочисленные «сервитуты» (крестьянские общины имели право пользования «господскими» лесами и пастбищами), приводившие к частым трениям между помещичьими приказчиками и крестьянскими общинами. При этом поставленные правительством крестьянские комиссары получили прямое приказание раздувать всякие конфликты, натравливать крестьян на помещиков и привлекать их на сторону правительства. Однако, эта царская демогогия продолжалась недолго, и дворянство очень скоро, благодаря своему экономическому перевесу, снискало себе поддержку русского чиновничества, и в частности—упомянутых комиссаров.

Потомки повстанцев 1792, 1830 и 1863 г. г. чувствовали себя превосходно под защитой русского царизма. Особенно нелицемерной стала преданность польских панов русскому царизму с тех пор, как Николай II, во время своего первого посещения Польши после коронации, сделал крестьянам тор-

жественное внушение о неприкосновенности помещичьей земли. Царизм охранял панов от крестьян—этого для польских помещиков было достаточно для того, чтобы отказаться от свободолюбивых мечтаний. Конечно, нельзя отрицать того факта, что среди представителей названных господствующих групп были тысячи лиц, патриотическое сознание которых глубоко страдало от гонений на все польское со стороны царского правительства. Это, однако, нисколько не умаляет значения того главного факта, что польские капиталисты и помещики, *как класс*, немало не были заинтересованы в борьбе за освобождение от чужого ига. И поэтому не могло быть и речи о серьезной оппозиции чужому государству, не говоря уже о национальном восстании против него. Господствующий класс Польши великолепно приспособился к русскому владычеству.

Все, на что он был способен, это—робкие попытки отвлечь (посредством политических маневров) царское правительство от его политики беззастенчивых национальных преследований. Понятно, что все эти попытки были обречены на неудачу. Представители польского «общества» могли сколько угодно распинаться в «лойяльности польского народа», они могли плесть какие угодно хитрые интриги для приобретения влияния при петербургском дворе—это ничуть не заставляло царский механизм отклониться от его политики «обрусения инородцев». Признание за поляками права на национально-культурное развитие было бы для бюрократии и православного духовенства равносильно признанию права на существование за всеми «инородцами». И действительно, гнусная политика угнетений продолжала свирепствовать в течение девяностых годов прошлого столетия вплоть до самой революции 1905 года.

Этот режим был особенно тяжел для среднего сословия, в особенности для интеллигенции. Она страдала уже чисто материально: в Польше не было места для поляков ни в качестве чиновников, ни в качестве учителей или офицеров; польский ученый и писатель задыхался в этой атмосфере полицейских придирок Кроме того этот умственно более развитой общественный слой, разумеется, живее всех других чувствовал национальный гнет и рабство. В его среде постоянно шевелилось нечто в роде политической оппозиции. Но, как и всюду, эта мелкая буржуазия являлась простым отражением господствующих классов, а поэтому не могло быть и речи о принципиальной борьбе с ее стороны против «лойяльной политики»: она продолжала колебаться между шовинистическою ненавистью к «москалям» и поддержкой «политики соглашения» с ними. Тем не менее патриотизм этих слоев имел известное значение для сохранения польской культуры, особенно до тех пор, пока в Польше существовало либеральное

движение. Однако, по мере обострения классовой борьбы, этот либерализм все более сходил на-нет, уступая свое место неприкрашенной реакции. В двадцатом веке патриотизм вылился в форму самого вульгарного национализма со всеми соответствующими признаками: отрицанием демократии, антисемитизмом и ярой ненавистью к социалистам.

Что касается крестьянства, то в русской Польше оно оставалось политически совершенно индифферентным. Демагогия царского правительства особого успеха, конечно, не имела. Крестьянин не очень-то верил в сказки о русском царе, как своем освободителе, так как было слишком очевидно, что помещик и русский чиновник действуют в трогательном единении, когда идет речь об обирании народа. Национальный гнет был для крестьянина, конечно, довольно чувствителен, но в конце концов никакая сила в мире не могла отнять у него его родной язык и веру отцов. С обрусением школы он боролся тем, что тайно обучал своих детей польской грамоте. Сильно угнетали его лишь хозяйничанье чиновников, гнет налогов и воинская повинность. Но о готовности крестьянской массы к упорной борьбе за свержение чужого господства не могло быть и речи.

Обратимся теперь к пролетариату. Польский рабочий имел все основания ненавидеть царский произвол. Железная рука этого произвола сдерживала его каждый раз, когда он пытался остоять свои классовые интересы. Именно это и сделало его социалистом. Но в момент, когда польский пролетариат созрел для самостоятельной политики, социализм стал законченной системой, в основание которой легла идея международной солидарности, и при тогдашних условиях для варшавского, лодзинского или домбровского рабочего было осязательно ясно, что ему следует думать не о создании нового классового государства, а о разрушении существующего классового государства, и в первую голову—угнетавшего его государства, возглавляемого русским царем. Столь же очевидно было и то, что в этой борьбе польский капиталист является его смертельным врагом, а русской рабочий—желанным союзником. Городской рабочий чувствовал национальный гнет на каждом шагу, но борьба против обрусительной политики была для него лишь эпизодом в борьбе со всей системой политического угнетения вообще. Итак, наиболее активный класс польского народа не мог выставить на своем знамени лозунг национальной борьбы в рамках существующих государственных отношений.

Безнадежность всякой попытки национального восстания, подобного восстаниям 1830 и 1863 г.г., стала особенно очевидной во время русской революции 1905 года. В 1905 году не было проявлено ни одной серьзной попытки к отделению Польши

от России, но силы с самого начала стали группироваться самым естественным образом: господствующий класс поддерживал правительство по всей линии, стремясь к сохранению «существующего порядка» в то время, как польский пролетариат боролся плечом к плечу с русскими рабочими против царского правительства и капиталистов, во имя завоевания власти и установления пролетарской диктатуры. Побочным результатом этой борьбы явились известные уступки в отношении польского языка в школе и администрации. Уже по одному тому, что польский рабочий не может отказаться от своей национальности, всякое сделанное им завоевание служит на благо всей польской культуре вообще.

Галиция.

Галиции суждено было пострадать от процесса разложения Габсбургской монархии. Богатая естественными сокровищами, страна эта (она владеет углем в т. н. Краковском бассейне, который до сих пор не разрабатывается; величкинские соляные промыслы принадлежат к богатейшим в Европе; в ней много нефтяных источников, калийных солей; почва здесь местами превосходная, а реки Карпатов изобилуют легко доступными источниками электрической энергии) находится в настоящее время в состоянии крайней хозяйственной беспомощности. О промышленности здесь почти говорить не приходится, и причина этого та, что господствующая в Австрии немецкая буржуазия долгое время сознательно держала Галицию на положении «гинтерланда», предназначенного для сбыта продуктов верхне-австрийской и богемской промышленности. Отчасти, конечно, развитие тормозилось географическим положением. Галиция представляет собою продолговатую полосу земли, отделенную на юге неприступными Карпатскими горами от Венгрии и австрийских земель и загражденную на севере таможенным барьером от России. Третьей причиной промышленной отсталости Галиции была «охранительная» политика Габсбургов, направленная к покровительству как австрийским, так и галицийским помещикам; а это повело к полному владычеству в стране их хищнической политики, делавшей невозможным какое бы то ни было хозяйственное развитие. С введением, после проигранной в 1867 году войны с Пруссией, конституционных учреждений, «земли монархии» получили самоуправление, и господствовавшая до тех пор политика национальных преследований была оставлена. Таким образом в Галиции с этих пор администрация стала польской.

В школе, в суде, в общественной жизни господствует польский язык. Краков, со своим старинным великолепием, сделался

Меккой польских патриотов. Здесь находился польский университет, в театрах ставились патриотические польские пьесы. Разгулу патриотической вакханалии был дан полный простор. Однако, спасавшиеся здесь от национальных преследований варшавские патриоты вскоре убедились в том, что их галицийские братья чтили прежде всего черно-желтое габсбургское знамя, и только за ним уже шло их «собственное» патриотическое знамя. Это и понятно: повелителями в стране были польские аристократы, связавшие свои судьбы с судьбами монархии, т.-е. с судьбами династии Габсбургов. Среднее сословие состояло преимущественно из чиновников, а остальные слои населения, при слабом развитии торговли и промышленности, находились в полной зависимости от аристократии и помещиков. Этим и объясняется продолжавшееся целые десятилетия господство так называемых «государственных» слоев, т.-е. ультрареакционной партии, видевшей все благо в преданности Габсбургам и внесшей разврат во все области общественной жизни.

Только в самое последнее время, с появлением признаков культурно-политической жизни среди крестьянства и с началом некоторого промышленного развития, стали возникать, наконец, буржуазно-оппозиционные течения против клерикально-аристократического режима, представители которых из партийно-политических соображений вели пропаганду национально-патриотических идей, будучи, однако, далеки от мысли выставить на своем знамени лозунг независимости.

Видное место в галициской политике занимала национальная распря между поляками и галичанами; дело в том, что восточная часть страны сплошь заселена крестьянским населением, родственным русским украинцами («галичане»), в то время как крупные помещики и преобладающая часть городского населения—поляки.

В этом-то карасином пруде «польской социал-демократической партии Галиции» суждено было играть роль щуки.

При ничтожной численности фабричных рабочих, партии этой приходилось искать себе сторонников, главным образом, среди ремесленников, железнодорожных служащих, торговых приказчиков и тому подобного элемента с неизжитой еще мелко-буржуазной психологией.

Благодаря политическим талантам своего вождя Дашинского, прекрасно сумевшего использовать своеобразные австро-галицийские условия, партия приобрела в 90-х годах много приверженцев. Это происходило, понятно, не без ущерба для классовой чистоты ее: галицийская социал-демократия являлась попросту партией крайней оппозиции, к которой примыкали все элементы, недовольные существующим положением.

Такой состав партии, в которую входил ничтожный процент пролетариев, делает понятным тот успех, который выпал здесь на долю «польской социалистической партии» (P. P. S.). Программа последней была выработана польскими эмигрантами, преимущественно членами партии «Пролетариат», и представляла собою смесь националистических и социалистических идей. Главная идея партии заключалась в том, что польскому народу необходимо прежде всего сбросить с себя чужое иго, чтобы проложить себе дорогу к социализму. При этом в программе не говорилось ни слова о том, насколько осуществимо вооруженное восстание польского пролетариата против трех величайших военных держав, вдобавок без всякой поддержки со стороны собственной буржуазии. В конце концов все строилось на расчете о столкновении между этими державами. Усвоив эту программу, галицийская партия очутилась в двусмысленном положении: «для публики» она и в прессе и в парламенте нападала на австрийский милитаризм, но в душе вожди ее страстно желали войны Австрии против России. Теперь можно с точностью установить, что члены этой партии, с Пилсудским во главе, уже давно находились в самых тесных сношениях с австрийским генеральным штабом, принимая ближайшее участие во всех приготовлениях к войне, в особенности по части шпионажа.

Польские земли под прусским игом.

Польские области, подчиненные Пруссии, распадаются на две резко обособленные части: на Верхнюю Силезию, с одной стороны, и на провинции Познань и Западную Пруссию—с другой. Первая область уже с XIXV столетия не входила в состав польского государства и подпала под прусское владычество еще во время Семилетней войны; Познань и Восточная Пруссия окончательно перешли к Пруссии только после Венского конгресса. Обе последние провинции представляют собою земледельческие области, почти без всякой промышленности, между тем как Верхняя Силезия это—высокоразвитой промышленный округ с колоссальным производством угля и железа.

Для того, чтобы правильно оценить социально-политическую жизнь Познани и Западной Пруссии, необходимо помнить, что эти окраинно-западные области Польши подвергались сильной немецкой колонизации еще в период самостоятельного существования Польши. Сословный строй польской республики предоставлял широкое самоуправление городам, и это послужило на пользу осевшим в них немцам, которых привело сюда «стремление на Восток». (Drang nach Osten).

Здесь господствовало поэтому «магдебургское право», т.-е. польские города, независимо от верховной власти, имели свои собственные суды по германскому праву, их цехи были устроены по образцу немецких, обиходным языком был немецкий, а в сношениях с польскими властями они пользовались латынью. Таким образом многие города—Данциг, Торн, Бромберг—были в сущности немецкими колониями. В других городах немецкие колонисты составляли лишь часть населения, но и в них этот немецкий элемент был очень силен.

Получив в свои руки эти провинции, прусское правительство, при поддержке немецкого населения, принялось за их германизацию. Польский язык был окончательно изгнан из школы, из администрации, и, наконец, запрещено было употребление польского языка даже в общественных собраниях. Придирчивость по отношению к польскому населению принимала часто чудовищные и смешные формы: в конституционном королевстве Пруссии было запрещено пение польских национальных песен и преследовалось ношение национальных отличий; польские города были окрещены немецкими именами (так, например, старинный Иновраслав был переименован в Гогензальца; Забрже был во время войны перекрещен в Гинденбург). Если это были лишь булавочные уколы, постоянно раздражавшие национальное самолюбие, то далеко не так безобидны были насилия, глубоко задевавшие самые основы социальной жизни. Так, в 1886 году десятки тысяч польских жителей были изгнаны из этих провинций на том лишь основании, что, будучи выходцами из русской и галицийской Польши, они не были прусскими подданными. В то же время началась насильственная колонизация обоих провинций. Правительство скупало земли польских помещиков и наделяло ими немецких крестьян. Когда оказалось, что скупка путем полюбовных сделок идет не очень успешно, было приступлено к экспроприации. Польские собственники обязаны были уступать свои земли немцам по требованию немецких властей. Попытки оправдать это принуждение ссылкой на то, что ведь в конце концов экспроприация была направлена исключительно против крупных польских помещиков, являются не более, как лицемерием (этим часто грешили так называемые социал-демократы). Ибо, во-первых, при этом дроблении поместий польские рабочие систематически изгонялись из имений и лишались средств к существованию; во-вторых, эта политика отнимала у польского крестьянина возможность приобретать землю; в-третьих, правительство часто прибегало к принудительному отчуждению земли и у польских крестьян, а не только у одних помещиков. Еще более вопиющим актом насилия был так называемый «закон о поселениях». Чтобы

воспрепятствовать продаже помещиками отдельных участков земли польским крестьянам, был издан закон, по которому для постройки жилища, даже на собственной земле, требовалось разрешение властей, а власти систематически отказывали польским крестьянам в таких разрешениях. Нетрудно себе представить, до какой степени эта германиторская политика озлобляла поляков. Но прусское правительство ничего не выиграло от этой политики. Напротив, можно с уверенностью сказать, что в настоящее время эти провинции являются более польскими, чем они были полвека тому назад. Польская деревня как была, так и осталась польской: несколько тысяч насильно вселившихся немецких колонистов ничего в ней не изменили; мало того, с течением времени рассеянные в польских областях немецкие колонии постепенно ополячились, при чем этот процесс все ускорялся по мере того, как исчезала культурная обособленность колонистов. Но особенно сильно шла полонизация городов в течение последних десятилетий, несмотря на все старания правительства воспрепятствовать этому. Объяснить это явление не трудно: здесь, как и повсюду в Европе, городское население быстро возрастало вследствие «притягательной силы городов». Но приток новых кадров городского населения шел, главным образом, из деревни, и, следовательно, кадры эти состояли в значительной части из поляков. Таким образом осевшее немецкое городское население постепенно вытеснялось польскими пришельцами, и в городах возникла польская мелкая буржуазия.

Между польским и немецким мещанством неизбежна должна была начаться конкуренция, «борьба за кусок хлеба», еще более обострившая национальную рознь.

Хозяйственное развитие обоих провинций определялось хозяйственным развитием всей Германии. Быстрое промышленное развитие Германии порождало все возрастающий спрос на сельско-хозяйственные продукты для городов и промышленных округов, и обе провинции стали поставщиками хлеба, картофеля и скота. Поэтому мы и встречаем в них интенсивное сельское хозяйство как у помещиков, так и у крестьян. Развитие отраслей промышленности, имеющих целью обработку продуктов сельского хозяйства,—сахарных, винокуренных заводов, крахмальных фабрик,—также способствовало интенсификации сельского хозяйства. Главные выгоды этого развития выпадали, конечно, на долю крупных помещиков, но и крестьне извлекали пользу из нового положения вещей, и нет сомнения, что крестьяне рассматриваемых областей пользуются бóльшим благосостоянием, чем их единоплеменники в других польских областях. Вместе с тем и здесь, как и в городах, возникла своеобразная форма национальной борьбы

на экономической основе. Польский мещанин боролся с немецким. Польский крестьянин, всегда испытывавший острый земельный голод, не сдавался, и вопреки колонизаторской политике правительства всеми силами стремился приобрести землю. «Увеличение национального польского достояния» стало лозунгом дня, и каждый крупный или мелкий спекулянт гордился своей наживой, как величайшим патриотическим подвигом. «Национальная энергия» выражалась в основании польских банков, польских кредитных обществ, производительных товариществ, союзов для разведения скота и т. д. Само собой понятно, что это нисколько не мешало ни польскому эксплоататору угнетать своего рабочего, ни польскому спекулянту при случае обобрать до нитки своего дорогого соплеменника.

В такой атмосфере, разумеется, не было места для авантюристской национальной политики, для идеологии освободительной борьбы. Польские депутаты в германском рейхстаге и в прусском ландтаге поддерживали во всех экономических вопросах реакционное юнкерство, неизменно голосовали за морские и военные кредиты, и только время от времени позволяли себе, в виде некоторой роскоши, заявлять торжественные протесты против позорной германизаторской политики. Рабочее движение было развито очень слабо в виду почти полного отсутствия крупной промышленности. Все возникавшие социал-демократические и профессиональные организации примыкали к соответствующим немецким организациям. Между тем национальная рознь служила серьезным препятствием для социалистической пропаганды, и в годы, предшествовавшие войне, большим влиянием пользовался националистический и, по существу, контр-революционный «польский ремесленный союз», с которым немецкие «свободные», якобы, социал-демократические профессиональные союзы заключили договор.

Совершенно иначе обстояло дело в Верхней Силезии. Крестьянство здесь сплошь состоит из поляков, между тем как помещики—почти исключительно немцы. Можно сказать, что Верхняя Силезия является областью господства крупных немецких латифундий. Мелкая городская буржуазия с течением времени совершенно германизировалась. Начиная с середины XIX-го века, в Верхней Силезии развилась мощная крупная промышленность, опирающаяся на богатые залежи угля, железа и цинка. Гигантские промышленные предприятия сосредоточены в руках немецких капиталистов (преимущественно это те же владельцы латифундий). Почти все занятые в этой промышленности рабочие по национальности—поляки, если не считать незначительного числа высоко квалифицированных рабочих, привлекаемых сюда из других промышлен-

ных округов германской империи. Благодаря этому национальный вопрос принимает здесь совершенно другой облик: обедневшее польское крестьянство, многочисленный польский сельский пролетариат и развитой польский промышленный пролетариат противостоят здесь немецким юнкерам и капиталистам. Национальные противоречия искажают здесь классовую борьбу в том смысле, что темный польский рабочий легко смешивает эксплоататора с немцем вообще.

Любопытно, что в течение двух—трех десятилетий и в Верхней Силезии произошла некоторая полонизация мелкой буржуазии. Огромный приток польских рабочих в промышленные центры создал для торговцев и ремесленников постоянный круг польских покупателей. Польский рабочий, едва владеющий десятком немецких слов, охотнее идет к тому продавцу, который может с ними говорить по-польски, а это в свою очередь заставляет мелкого буржуа разыгрывать роль польского патриота.

Рабочее движение в этой области, вопреки ожиданиям, развивалось не особенно быстро. Известно, с каким трудом шахтеры и горнозаводские рабочие во всех странах поддаются организации, об этом говорит практика Англии, Франции, западной Германии и Америки. В Верхней Силезии особенно значительно число неквалифицированных рудокопов (это объясняется тем, что здесь уголь удобно расположен толстыми пластами, и поэтому каждый рудокоп-специалист нуждается в большем числе помощников-чернорабочих, чем в других районах), являющихся весьма неустойчивым элементом, постоянно притекающим из деревень и легко переходящим на другую работу. Во всяком случае социал-демократическая и профессиональная пропаганда пустила корни и здесь. Неблагоприятное влияние оказывало только соперничество между социал-патриотической P. P. S. и «Польским Ремесленным Союзом», тем не менее, в виду наличности высоко развитого промышленного пролетариата, в Верхней Силезии незадолго до войны можно было отметить нарастание революционной волны.

3. Польские земли к моменту начала войны.

С самого начала войны между тремя терзавшими Польшу хищниками, господствующие польские элементы всюду оказались в общем на стороне «своих» правительств. Варшава совершенно потеряла голову от военного угара, охватившего Россию. Краков горел желанием победы Австрии. Познань вела себя довольно сдержанно, но с внешней стороны и она выказывала полную лойяльность по тоношению к Германии.

Начнем с Галиции, в виду того, что здесь польские политические группы давно уже вели активную военную политику.

Как мы уже указывали, галицийская социал-демократическая партия уже давно поддерживала сношения с австрийским генеральным штабом, и с первого же момента войны как из-под земли вырос «польский легион» для борьбы с Россией; возник он при деятельной поддержке Партийного Правления, в особенности—Дашинского, а команду над легионом принял Пилсудский. Ядром этого добровольческого отряда явились политические эмигранты-интеллигенты из русской Польши. Кроме того сюда вошли галицийские военнообязанные, предпочитавшие службу в легионе совместной службе с австрийскими солдатами. Австрийское военное командование пускало в ход всевозможные демагогические приемы для того, чтобы разжечь патриотический пыл этой молодежи. Легион имел польское командование, особую форму с польскими национальными отличиями; но в военном отношении его роль с самого же начала была очень ничтожна.

В то время в Кракове, при участии краковского правительства, возник «Национальный Комитет содействия войне с Россией», в котором рядом с экс-министром Яворским фигурировал и господин Дашинский. Комитет вел интенсивную пропаганду, в которой главным мотивом была ненависть к царизму. Политика Комитета с первой же минуты страдала внутренней двойственностью. Да и как в самом деле, можно было призывать польский народ к борьбе с царизмом, когда эту борьбу предстояло вести плечом к плечу с прусским правительством? Разве это последнее не было еще более враждебно Польше, чем царизм? Разве победа немецкого империализма, во имя которой полякам предлагали жертвовать жизнью, не грозила величайшими опасностями польскому народу? А та же Австрия—разве она не угнетала польскую нацию, хотя и в более мягкой форме? Бесспорно, победа австро-немецкого империализма над русским не сулила ничего доброго польскому народу, а между тем во имя этой победы польский солдат в австрийской форме призывался к братоубийственной борьбе с польским солдатом в русском мундире. Этот разлад обозначился особенно ярко, когда стала очевидной жалкая роль Австрии в этой войне, в которой тон задавала явно враждебная Польше Германия, и когда поэтому стало ясно, что на будущем совете победителей судьбу Польши будут решать не Габсбурги, а Гогенцоллерны.

Этой внутренней противоречивостью и объясняется слабый успех пропаганды. Политики толка Пилсудского и Дашинского рассчитывали на то, что вторжение польского легиона в русскую Польшу зажжет там национальное восстание. Эти сообра-

43-105

жения руководили и австрийским правительством при инсценировке им указанной выше затеи. Между тем все эти надежды не оправдались. Зарубежные крестьяне и рабочие встретили легионеров, как своих врагов и не обнаружили ни малейшего желания присоединиться к ним. Это было первым звеном в целой цепи горьких разочарований.

В Варшаве же наблюдалась не простая лойяльность,— здесь царило горячее воодушевление в пользу царизма. Это объясняется различными причинами. Главное значение здесь имела прорвавшаяся, наконец, наружу бешеная ненависть к немцам, этим «наследственным врагам польского народа». Далее сказался, конечно, и кровавый угар, опьянивший широкие слои народа. Тот же гипноз, который охватил население почти всех европейских стран, оказался и в Польше настолько сильным, что заставил забыть про ненависть к чуждому игу. Во всяком случае приходится констатировать, что военнообязанные поляки в России не только не уклонялись от воинской повинности, но даже шли в армию добровольцами. Причину этого следует, пожалуй, искать и в том, что вследствие позорной прусской политики национального угнетения, ненависть к немцам была сильнее ненависти к царскому режиму. Однако, я склонен думать, что в этой кровавой оргии рассуждения вообще играли последнюю роль. Жажда борьбы, убийства, еще более возбужденная разнузданной правительственной пропагандой, в первые недели совершенно лишила массы рассудка. Одним из важных мотивов была и военная прибыль. Русское правительство прибегло к высокоразвитой польской промышленности для удовлетворения своих военных нужд, и при этом не жалело денег. Размещенная в Польше русская армия тоже принесла с собою не мало денег: офицеры предавались диким кутежам, да и простой солдат в первые недели швырял деньгами направо и налево. В Варшаве деньги лились рекой, и это поддерживало вопиственный туман и победное настроение. Самое последнее место занимали тут, конечно, правительственные манифесты. Ни один серьезный польский политик не придавал значения легковесным обещаниям Николая Николаевича о даровании свободы польскому народу. Возможно, впрочем, что кое у кого и возникала смутная надежда на воссоединение всех трех частей Польши в случае победы России.

Среди этого всеобщего вопиственного опьянения одни только сознательные пролетарии сохраняли ясность ума. «Социал-демократия Польши и Литвы» исполнила свой революционный долгъ и с самого же начала повела кампанию против бойни народов точно так же, как и «Левица», революционное марксистское крыло польской социалистической партии. Но

здесь, как и повсюду в Европе, эти отдельные голоса безнадежно тонули во всеобщем воинственном гуле.

В Прусской Польше господствовало несколько иное настроение. Польские депутаты рейхстага голосовали за военные кредиты и беспрестанно трубили о польской лойяльности. Военнообязанные безропотно шли в армию частью под гнетом дисциплины, частью под влиянием военного угара. Но в общем польское население было враждебно настроено к Германии. Звериная правительственная пропаганда на тему о том, что «если все не пойдут воевать, то казацкие орды наводнят страну», не производила никакого впечатления в польских областях, несмотря на то, что им русское нашествие угрожало в первую голову. Люди, имевшие тогда возможность следить на месте за ходом событий, уверяют, что польское население Познани готово было встретить русскую армию с распростертыми объятиями. Правительство отлично видело это настроение и вздумало бороться с ним репрессиями, чем, разумеется, только ухудшило свое положение.

Нашлись, конечно, и в этих областях единичные политики, которые посвятили себя рьяностному служению правительству и, без всякой надежды на успех, пытались вести германофильскую пропаганду в занятых германскими войсками русско-польских городах. В настоящее время многие из них—и прежде всех господин Корфант—играют крупную роль в польском правительстве и разыгрывают из себя первых застрельщиков в борьбе против Германии.

С оккупацией Польши австро-германскими войсками, польский вопрос приобрел для победителей всю остроту злободневности. Между Австрией и Германией начался позорный торг, в котором принимали горячее участие польские патриоты, не исключая господина Дашинского и его партии.

Сначала было создано Временное Управление. Правительство посадило в Варшаве «Регентский Совет». Ни один влиятельный политик не пожелал приобщиться к этому учреждению, и за отсутствием лучших людей пришлось возложить почетную обязанность «регентов» на первых попавшихся аристократов—князя Любомирского и графа Островского, вкупе с архиепископом Каковским. Был составлен также Совет Министров, для которого опять-таки не нашлось никого, кроме пары ничтожных политических интриганов. Но фактически всем распоряжались заявившие Польшу державы, поделившие между собою страну: в одной части хозяйничали германцы, в другой—австрийцы. Задачей и тех и других было использовать страну в интересах ведения войны, и производимый ими с этой целью грабеж поистине не знал границ. Особенно отличался в части, занятой германцами генерал Безелер. Мало того, что он на-

ложил руку решительно на все технические изделия и сельскохозяйственные продукты, какие только могли быть полезны Германии—готовые фабрикаты, сырье, машины,—он прибег и к самому гнусному виду военного порабощения: сотни тысячь польских рабочих были угнаны в Германию, где их заставил работать на помещичьих землях, в снарядных мастерских и рудниках. Нетрудно понять, насколько подобный образ действий усилил в населении ненависть ко всему немецкому. Но в Германии ослепление войной было так велико, что и в прессе и в парламенте по адресу поляков раздавались совершенно серьезные упреки в «черной неблагодарности»; в самом деле, как смели они не выказывать восторга перед своими «избавителями от московского ига»? Трудно поверить этому, но это так: в этом хоре были голоса и социал-демократической прессы (в особенности «Гамбургского Эхо» и лейборгана Носке—«Хемницкого Голоса Народа»).

Однако, Временное Управление не могло же существовать вечно, а немецкое правительство не торопилось открыть свои карты, имея на то свои основания: в Берлине все еще не теряли надежды на сепаратный мир с царским правительством, даже на условиях возвращения ему «освобожденной» Польши и заодно уже и переуступления ему Галиции,—возможность изменить при этом австрийскому союзнику придала бы сделке еще бо́льшую привлекательность.

Со своей стороны Австрия поддерживала в поляках самые радужные надежды если не на полную автономию, то во всяком случае на объединение русской Польши с Галицией под милостивым скипетром Габсбургов.

Тем временем польские политиканы продолжали замышлять свои комбинации. В случае победы Германии не могло быть и речи о восстановлении Польши. При этом предположении очевиднее всего была безнадежность прусской Польши; в самом деле, было бы безумием надеяться, что жаждущий упиться свежей кровью народов прусский хищник откажется, в случае победы, от своей прежней добычи. Поэтому политики из Краковского Национального Комитета с легким сердцем жертвовали Познанью, Западной Пруссией и Верхней Силезией. Их пресса, в том числе и краковский орган P. P. S., не видела никакого национального позора в этом «самоотречении», обрекавшем свыше четырех миллионов поляков в жертву прусской истребительной политике. Зато на все лады расписывалось возникновение частичного польского государства в составе прежней русской Польши и Галиции. Публицисты P. P. S. всячески старались доказать жизнеспособность этого будущего государственного сооружения, ломая себе голову лишь над вопросом, перейдет ли тогда австро-германская

монархия от двойственной системы к тройственной, или дело обойдется и без этой реформы. Наиболее пылкие оптимисты видели уже в своем воображении самостоятельное королевство Польское, для которого тут же был найден и король, в лице австрийского эрцгерцога Стефана, сын которого женат на княжне Чарторыжской. Социал-патриоты с удовольствием принимали участие и в этих комбинациях.

Эта ребяческая игра продолжалась до тех пор, пока не вспыхнула русская революция. Теперь германскому правительству необходимо было высказаться определеннее о том, как оно себе представляет будущее Польши, ибо возникала опасность, что революционная Россия окажет на поляков притягательное действие. Между тем правящие круги были не вполне единодушны. Австрийская комбинация была оставлена, так как германская военная партия опасалась усиления своих «союзников», с которыми уже тогда у немцев происходили весьма болезненные конфликты. Напротив, подготовлялось создание «буферного государства» из русской Польши, с более чем сомнительной автономией. В кандидатах на трон недостатка не было. Претендентами объявились, с одной стороны, Виттельсбахеры (Бавария), один из предков которых в XVI веке был женат на какой-то принцессе из рода Ягеллонов, а с другой — Веттины (Саксония) на том только основании, что в XVIII веке двое представителей их рода покрыли позором польский трон.

Однако, чтобы не дать уже слишком широко раскинуться этому буферу, Людендорф требовал такого «урегулирования границ», при котором Домбровский угольный бассейн, лодзинский промышленный район и вообще вся западная часть страны до Пилицы отошла бы к Германии.

Эти хищнические планы убедили даже национал-социалистических польских политиканов в невозможности попрежнему тащить прусско-немецкий воз, да и в Вене выросло крайнее недовольство прусской политикой, и отношения между ней и Берлином сильно обострились. Во всяком случае в Берлине было решено положить конец существованию польских легионов, которые до того времени служили прекрасным пушечным мясом, и на долю господина Пилсудского выпало неожиданное счастье: он был посажен в магдебургскую тюрьму.

Варшавские ставленники генерала Безелера, господа из Регентского Совета и их министры, конечно, приложили руку и к этой политике.

За февральской революцией в России последовала октябрьская. Русское пролетарское правительство провозгласило в польском вопросе, как и следовало ожидать, следующий принцип: революционный пролетариат отказывается от угнетения какой бы то ни было национальности и предоставляет

польскому народу самому решить свою судьбу; русские уполномоченные в Бресте делали все, что могли, чтобы вырвать и у Германии признание за Польшей этого права. Но германское правительство отказывалось признать «право народов на самоопределение»: оно крепко держало добычу в своих когтях и собиралось распорядиться с «освобожденной» Польшей по своему собственному усмотрению.

4. Возникновение нового Польского государства.

Через полгода пришел конец политике ежовых рукавиц: революция в Австрии и Германии освободила Польшу от цепей чужого господства. Разыгравшиеся затем в Польше события были до того запутаны, что кажутся совершенно необъяснимыми большинству современников.

Постараемся разобраться в них.

Приверженцы господина Пилсудского охотно изображают дело так, будто они разоружили австро-германские оккупационные отряды. Это грубое преувеличение. Упомянутые отряды были в высшей степени деморализованы гарнизонной жизнью: офицеры и солдаты превратились в самых отвратительных мародеров и спекулянтов. Через несколько дней после взрыва революции в Австрии, поголовно все австрийские солдаты разбежались. Не было никакой надобности их разоружать,—они сами побросали оружие и все военное снаряжение. Все занятые до тех пор этими войсками польские области сразу очутились без всякого господина. Все это были чисто крестьянские местности, в которых не было крупных городов. Но крестьянское население в этих местах, особенно в Люблинской губернии, самое развитое во всей Польше: оно немедленно же сорганизовалось. Далее, в областях австрийской оккупации существовала тайная «Польская военная организация», к которой принадлежали бывшие легионеры. К этим-то элементам—крестьянам и легионерам—и перешла власть. Так возникло «люблинское правительство», с Дашинским во главе. Стоявшие в ЗападнойГалиции немногочисленные войска, родом большею частью из других австрийских областей, тоже торопились поскорее выбраться на родину. Оттого «люблинскому правительству» и было так легко укрепиться. Оно тотчас же провозгласило демократические реформы: всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право для всех, без различия пола, самоуправление, восьмичасовой рабочий день. Революционные пролетарские требования при этом были совершенно забыты, так как за отсутствием фабричных рабочих, задержавшихся в Германии и России, не было никого, кто напомнил бы господам P. P. S'овцам о социа-

лизме. Между тем стали прибывать легионеры из Австрии и из лагерей для военнопленных, и из них «Люблинскому Правительству» удалось сформировать народную милицию, вооружив ее чем попало. Милицию эту составляли не более двух-трех тысяч человек, но при всеобщем хаосе и они представляли собою известную силу.

В то время как в местностях австрийской оккупации происходили описанные события, в Варшаве и в области германской оккупации все оставалось пока по-старому.

Только вспыхнувшая через несколько недель в Германии революция вызвала и здесь аналогичные последствия. Германские солдаты бросили все и устремились на родину. За одну ночь Безелер лишился всего своего могущества. Господа регенты поспешили стушеваться. Они стали умолять генерала Безелера об освобождении Пилсудского, видя в этом популярном вожде легионов своего единственного спасителя.

Просьба их была удовлетворена. Выпущенный на свободу Пилсудский тотчас же был провозглашен «главой Польского государства», господин Дашинский выслал в Варшаву часть своей люблинской милиции, и—Варшавское правительство было готово.

Так как и здесь—в Варшаве и Лодзи—отсутствовали рабочие, то идиллия никем не могла быть нарушена, тем более, что обрадованное освобождением от господства Безелера население спокойно смотрело на все происходившее. Реакционеры, в первое время с опаской относившиеся к «социалисту» Пилсудскому, вскоре успокоились, увидев, что он еще более податлив, чем г. Дашинский, и что его им бояться нечего, так как он тотчас же при поддержке милиции ревностно принялся за «охрану порядка и спокойствия».

Возникшие в начале трения между варшавским и люблинским правительствами вскоре были улажены. Господин Пилсудский назначил министрами нескольких сверхумеренных членов P. P. S. (г. Дашинский, однако, угрюмо ретировался) и не менее умеренных демократов. В остальном он удовольствовался обещанием созвать «Учредительный Сейм» и, вместе с тем, из опасения слишком крутым поворотом оттолкнуть от себя народные массы, он все же счел необходимым признать и возвещенные в Люблине вольности (избирательное право на демократической основе и т. д.).

В Познани происходило следующее: гарнизон в познанской крепости, а также и в других городах состоял исключительно из немцев, уроженцев других областей, которые теперь спешили возможно скорее вернуться на родину. С другой стороны, началось возвращение на родину поляков, служивших в других местностях.

Так же, как и в остальной Германии, и здесь были созданы рабочие и солдатские советы, состав которых, разумеется, оказался польским. Правительство Эберта—Шейдемана и не думало последовать примеру русского пролетарского правительства, признавшего за поляками право на самоопределение: напротив, оно заняло явно враждебную к полякам позицию, на что те ответили борьбою, скоро закончившеюся образованием польского «Народного Совета», взявшего власть в свои руки. При указанных нами выше познанских социальных условиях, этот Народный Совет оказался мещански-реакционным. Он мудро рассудил, что разрешение польского вопроса есть дело мирной конференции, а его задача заключается, главным образом, в охранении «мира и спокойствия». Исходя из этих соображений, он поддерживал лишь весьма слабую связь с Варшавским правительством, которое казалось познанским лавочникам слишком радикальным, и заботился больше всего о том, чтобы «все осталось по-старому»: остались даже прусские чиновники, и только к важнейшим из них были приставлены польские «советники». Только впоследствии уже, когда германское правительство послало войска против Польши (излюбленный Носке прием защиты), польско-немецкие отношения в Познани сильно обострились, приняв характер ожесточенной борьбы. Интересно отметить, что начальство над польскими войсками в Познани было передано генералу Дольбору-Мужничку, тому самому, который при демобилизации русской армии образовал в Бобруйске контр-революционный добровольческий отряд. «Социалист» Пилсудский, в качестве главнокомандующего, утвердил это назначение.

Таким образом образование самостоятельного польского правительства было предоставлено случаю. Благодаря революции в России и в Германии, Польша освободилась от цепей чужого рабства, но польские народные массы не принимали активного участия в этом революционном освобождении по той простой причине, что единственный революционный элемент в Польше—пролетариат—был парализован насильственной эмиграцией в Россию и в Германию. Никто не мешал авантюристам из национал-социалистической среды взять кормило правления в свои руки. Единственным общественным слоем, на который эти господа опирались, было националистическое мещанство, в основе своей реакционное; однако, им удалось вырвать его согласие на довольно серьезные демократические установления (весьма демократическое избирательное право и народную милицию) ибо, как никак, их власть все-таки имела революционный, хотя и извне пришедший, источник.

Февральские выборы в учредительный сейм, в которых принимали участие бывшая русская Польша и Галиция—Познань, по вышеуказанным причинам, пока воздержалась—дали, как и следовало ожидать при данной структуре общества, крестьянское большинство, тем более, что часть рабочих последовала выдвинутому коммунистической партией *) лозунгу бойкота выборов.

В политических вопросах это крестьянское большинство совершенно неопытно. Партийная группировка только намечается, крестьянские депутаты прошли весьма слабую политическую школу. Они находятся частью под влиянием клерикалов, частью под влиянием националистических демагогов. Единодушие среди них обнаруживается только в вопросах, непосредственно касающихся крестьянства. Неожиданно обнаружилась полная дезорганизация старых буржуазных партий: как галицийские крайние консерваторы, так и не менее реакционные «реальные политики» русской Польши временно сошли со сцены. Казавшаяся прежде всемогущей в русской Польше партия «национал-демократов» (имеющая еще менее общего с демократизмом, чем германские «национал-либералы» с либерализмом), представлена в сейме довольно слабо. Столь шумевшие либералы почти совсем исчезли. Это вряд ли говорит о падении значения тех социальных групп, представителями которых являлись названные партии; все дело лишь в том, что вследствие резкого изменения политического положения, внутренние связи этих партий оказались нарушенными, их организационный аппарат негодным.

Совещания сейма производят до-нельзя жалкое впечатление: в речах министров и депутатов невозможно обнаружить ни одной творческой мысли. Особенно оскандалилось правительство, когда при обсуждении конституции оно предложило принять за основу искаженный оттиск «конституции 3 мая», принятой польским дворянством в лето от Р. Х. 1792! Невольно приходишь к мысли, что это правительство постоянно находится под гнетом сознания своей собственной бесполезности.

Только однажды дело дошло до более или менее серьезной парламентской борьбы, именно при обсуждении аграрного вопроса. Достойно внимания уже само по себе то, что сейм, теряя время на бесполезные дискуссии и конституции, вынужден был приняться за аграрный вопрос прежде, чем государство, как таковое, успело сложиться. Между тем для депутатов от среднего и зажиточного крестьянства весь аграр-

---

*) Партия образовалась через слияние прежней «Социал-демократии Польши и Литвы» и «Левицы».

ный вопрос сводился к желанию этих слоев получить земли крупных помещиков: они не революционеры и готовы заплатить чистоганом, но от требования земли они не откажутся. Вся суть, следовательно, сводится к разделу крупных имений между крестьянами, конечно, за плату. Эти домогательства сильно встревожили помещиков. Они обратились за помощью к познанцам, решившимся, наконец, принять участие в заседаниях сейма, в надежде укрепить таким образом его реакционное крыло. Так и вышло: познанские депутаты оказались решительными противниками «какого бы то ни было покушения на частную собственность». Несмотря на это, за реформу высказалось большинство, правда, не особенно значительное—всего в один голос.

В общем, государственное строительство протекает при весьма тяжелых условиях. Всюду наблюдается деморализация, порожденная войной; среди государственных чиновников царят продажность и кумовство самого низкого сорта; еще более ужасна полная бездарность людей, стоящих у власти. Прибавьте к этому безнадежное экономическое положение. Безработица принимает невероятные размеры вследствие застоя в промышленности и постепенного возвращения на родину бывших на чужбине рабочих. Сотни деревень сожжены во время войны, многие города опустошены. Нужна была бы гигантская работа для одного только восстановления довоенного положения, не говоря уже о той колоссальной культурной работе, какая потребовалась бы для того, чтобы поправить зло, причиненное стране иноземными властителями Польши.

5. Польша на службе у стран Согласия.

С самого начала разговоров о мире возник вопрос о том, какое положение займут в «польском вопросе» по́бедители в мировой войне. Президент Вильсон провозгласил «право народов на самоопределение». Франция и Англия официально также приняли эту точку зрения, но мудрые заправилы капиталистической политики по отношению к Польше продолжали хранить молчание, якобы ожидая решения верховного ареопага.

Но польские политики, едва освободившись сами от чужого ига, тотчас же обнаружили наклонность к подавлению других народов,—только этим и объясняется то влияние, которое вскоре получили державы Согласия на решение польских судеб.

Прежде всего разгорелась борьба в Восточной Галиции

и в австрийской Силезии. В Галиции с распадением Австрии ярким пламенем вспыхнула борьба между галичанами и поляками. Первые чувствовали свое родство с соседними украинцами, которые стремились захватить Львов. Отсюда возникла кровавая борьба, закончившаяся пока победой поляков.

В австрийской Силезии положение чрезвычайно запутанное. Здесь происходит конфликт между чехами и поляками; княжество Цешинское, из-за которого, главным образом, идет борьба, имеет, правда, польское большинство, но черезполосица языков здесь невероятная: чешские оазисы разбросаны среди польских областей, и—наоборот. Для процветания как Польского, так и Чешского государства весьма важно обладание Карвинским угольным бассейном, и поэтому обе стороны норовят присвоить себе всю страну. Далее, Польша предъявляет притязания на Спиж. область, вдающуюся дугой в южные склоны Татрских гор. Эта местность населена поляками и немецкими колонистами (потомками немецких рудокопов, пришедших сюда еще в XV веке для добывания в горах золота и меди) и до сих пор в политическом отношении входила в состав Венгрии. Теперь чехи предъявляют притязания на южные склоны Татры целиком, а также на Прикарпатскую Словакию, включая и Спиж.

Не менее запутан и вопрос о польско-немецких границах. Провинция Познань, за исключением западных, граничащих с Бранденбургом округов, носит польский характер. Спорно только положение Западной Пруссии. Широкая полоса вдоль Вислы имеет, несомненно, польское население; точно также и живущие ниже, до самых берегов Балтийского моря, кашубы принадлежат к польскому племени. С другой стороны, немецкое население преобладает в городах, не считая отдельных полос с немецким крестьянством, издавна здесь поселившимся. Эти национальные вопросы можно было бы, конечно, разрешить взаимными уступками в области школьного языка и т. д., но для капиталистических государств это невозможно по следующим причинам: Польша желает получить все течение Вислы до Данцига, ибо, в противном случае, у нее не будет доступа к морю; но тогда немецкая провинция Восточной Пруссии оказалась бы отрезанной от остальной Германии. В мирное время беда, пожалуй, не так уж велика: дорога из Берлина в Кенигсберг будет проходить на коротком пространстве по польской области—и все тут. Но как в случае войны? Восточная Пруссия потеряет тогда всякое военное значение для Германии. В этом смысле подобное положение для обоих государств—«важный жизненный вопрос».

Далее спор идет из-за Верхней Силезии. Как уже ука-

зано, немецким помещикам и капиталистам здесь противостоит сплошная польская народная масса.

Но и здесь дело не в одних национальных затруднениях. Польша добивается Верхне-Селезского угольного бассейна, обладание которым сразу превратило бы ее из страны чисто земледельческой в страну промышленную. Германия не намерена поступиться этим угольным районом, ибо, в случае конфликта с Польшей, вся средне-германская промышленность была бы лишена угольного питания.

При выработке мирных условий с Германией победители не совсем считались с польскими вожделениями: Германия обязывается уступить Польше Познань и часть Западной Пруссии; зато судьба остальной части последней, а также и участь Верхней Силезии ставятся в зависимость от народного голосования. Данциг объявляется вольным городом, находящимся лишь в косвенной зависимости от Польши.

Эти мудрые решения—не более, как жалкие паллиативы, ибо, повторяем, «вопрос» неразрешим. Пока Германия и Польша будут оставаться капиталистическими государствами, они неизбежно, независимо от исхода плебисцита, будут вести борьбу не на жизнь, а на смерть из-за обладания спорными областями. Одна только победа социализма в обоих странах в состоянии разрешить эти *национальные* вопросы, ибо в сущности все сводится к решению определенных *экономических* проблем, в соответствии с данными природными условиями.

Чешско-польский конфликт пока еще тоже далеко не решен. Поживем—увидим, как его разрешит мирный договор Антанты с Австрией.

Во всяком случае участь правительства господина Пилсудского всецело зависит от милости держав Согласия, властное слово которых должно определить очертания границ Польского государства. Купить эту милость можно было лишь одной ценой: борьбой против социалистической России.

Польскую буржуазию было тем легче подбить на эту борьбу, что борьба эта совпадала с ее собственными интересами. Буржуазия Польши отлично понимает, что пока будет существовать Социалистическая Россия, польские пролетарии будут иметь в ней твердую опору. Кроме того выступает, вопрос о восточных границах Польского государства. Этнографически польские области простираются приблизительно до линии Буга. Как быть с обширными восточными областями, покоренными некогда польскими шляхтичами: с Литвой, Белоруссией, Подолией, Волынью, Украиной—вплоть до Двины и Днепра? Крестьянство в этих восточных окраинах «исторической» Польши в религиозном и политическом отношениях осталось чуждо польской культуре, но зато и литовский, и

белорусский, и украинский крестьянин очутились под пятой у польского шляхтича: польские дворянские роды до сих пор еще владеют здесь колоссальными поместьями; рядом с средним поместным дворянством можно назвать таких магнатов, как роды Радзивиллов, Сапегов, Чарторыжских, Замойских, Любомирских, Потоцких, Сангушко, Коссаковских, Тышкевичей, владеющих здесь огромными латифундиями. В случае установления здесь советской власти, земли перейдут к рабочим и крестьянам, что отчасти уже и случилось. Неудивительно поэтому, что польские аристократы пускают в ход все свое влияние для «искоренения большевизма» в этих областях и для присоединения их к Польше.

Будь у господ Пилсудских, Дашинских и К⁰ хоть капля даже не социалистического, а просто демократического чутья, они, наверное, поняли бы недопустимость для себя участия в этой аннексионистской политике на Востоке. Совершенно независимо от всяких симпатий и антипатий к социалистической России (которая чувствовала себя обязанной притти на помощь пролетариату и крестьянству указанных областей), но с чисто польской демократической точки зрения аннексию этих стран следовало бы отвергнуть: во-первых, потому, что не в интересах польской демократии содействовать усилению польской аристократии; во-вторых, потому, что даже политическим младенцам должно быть ясно, что без грубой внешней силы Польше не удержать за собой этих областей, и что она, следовательно, обрекается на то, чтобы стать хищническим военным государством. Ибо неужели же кто-нибудь в состоянии серьезно поверить, что крестьянство этих областей,— на деле познакомившееся со всеми выгодами советского строя и временно вернувшее себе землю,—когда-либо согласится снова терпеть иго помещиков и страдать от безземелья? Допустим даже, что аграрный вопрос так или иначе будет решен, например, принудительным отчуждением земли в пользу крестьян, конечно, за выкуп; но тогда останется еще национальный вопрос. Ведь в этих областях поляки не составляют и 10 процентов населения (вместе с евреями, они живут в городах; далее, мы встречаем поляков среди сельско-хозяйственных рабочих, и, наконец, имеется незначительное число польских крестьян).

Возможность ополячения таким образом исключается, а с ростом культурного сознания у литовского, белорусского и украинского крестьянина неминуемо будет расти его сопротивление чужому господству. Ясно, что аннексионистская политика является для демократии новорожденного государства чистейшим самоубийством.

Возможно, что Пилсудский со всей его свитой и чувствуют

это, но отстранить от себя чашу сию они не в силах. Они вынуждены итти на самоубийство. Ибо они продали душу капиталистическим хищникам Антанты, а те велят им вести борьбу с социалистической Россией.

Так, Польша с первого же дня превратилась в военный лагерь, вынужденный воевать на все стороны: с Германией, с Чехией, с Литвой, с Россией. Государственная жизнь находится в крайнем хаосе: администрация, транспорт, школа, финансы находятся в ужасающем беспорядке; в промышленности застой, в деревнях свирепствует голодный тиф, оспа и другие эпидемические заболевания. Но вместо того, чтобы напрячь все силы для упорядочения государственной жизни, правительство Пилсудского вынуждено возложить на и без того уже истощенную страну непосильное военное бремя.

Особенную опасность для будущей Польши представляют долги, в которые втягивает ее эта война. Вся военная добыча, захваченная поляками в германских и австрийских крепостях и военных лагерях, все-таки оказалась недостаточной для снабжения польской армии: требуется еще оружие, снаряды, обмундировка. Все это щедро доставляется,—правда, за большие деньги—американскими, французскими и английскими военными поставщиками, которые, в противном случае, просто не знали бы, куда девать оставшиеся у них на складе орудия убийства. Не имея наличных денег, Польша покупает в кредит на самых невыгодных условиях, запутываясь таким образом в долгах, сумма которых значительно превышает платежеспособность разоренной страны. В результате, пока Польша ведет завоевательную войну, капиталисты Антанты делают в ней свои «мирные завоевания».

Пользуясь затруднительным положением страны, они прочно укрепляются в банках и в промышленности. Таким образом «освобожденная Польша» попадает в экономическое рабство: иностранные капиталисты уже сейчас являются в ней полными господами, а каждый новый день войны еще крепче сковывает экономические цепи. Спасения для буржуазной Польши нет.

В мае 1919 года политики Антанты выкинули новое коленце: они признали адмирала Колчака главою русского государства. Это должно было бы послужить предостережением для варшавских политиков: ведь ни Колчак, ни другой какой-нибудь представитель империалистской России никогда не согласятся отказаться от западных владений бывшей царской России. В случае свержения Советской республики, новому польскому государству предстоит борьба на смерть с империалистской Россией. Какое, следовательно, безумие обнаруживает Польша, напрягая свои последние силы против

Советской России только для того, чтобы обеспечить создание угрожающей ей гибелью новой империалистской России. Невольно припоминается немецкая пословица: «Только самый глупый теленок сам выбирает себе резника».

6. Польская коммунистическая партия.

Революционный пролетариат Польши к моменту конца оккупации был, как уже сказано, бессилен, так как главная масса польских рабочих по принуждению пребывала на чужбине. Обе революционные партии—«С.-Д. Польши и Литвы», и «Левица», слившиеся в единую «Польскую Коммунистическую Рабочую Партию», не могли и думать при таких условиях о провозглашении диктатуры пролетариата, как того требует программа партии, и было бы смешно упрекать их за это. Они мужественно выполнили свой долг, выступая все время с резкой критикой нового государства и ведя пропаганду коммунизма и советского строя.

Кто знаком с существующими тогда условиями польской действительности и способен хорошенько вдуматься в них, тот поймет, каких скромных результатов можно было ожидать от этой пропаганды. В конце концов и рабочие ведь подвержены настроениям, и вполне понятно, что в первую минуту освобождения от чужого ига волна патриотических чувств, в самом лучшем смысле этого слова, охватила и рабочих. Следует кроме того вспомнить оживленную демагогическую агитацию, которую вела P. P. S. при дружественной поддержке правительства, между тем как наши товарищи подвергались преследованиям со стороны мещанских кругов и новоиспеченной полиции. Редакции коммунистических газет были разгромлены, каждый агитатор в любой момент мог быть растерзан искусственно разгоряченной чернью. Подобно большевикам в июльские дни, наши польские товарищи были загнаны в подполье. И здесь оправдался старый закон: только опыт создает политическое воспитание масс. Да, потребовался горький опыт, чтобы доказать массам, что «освобожденное» отечество даст им только камень вместо хлеба.

Главной ареной революционной пропаганды был, да и до сих пор остается, единственный район, где производство более или менее сохранилось—Домбровский угольный бассейн. Далее коммунистическая партия насчитывает много сторонников среди варшавских, лодзинских, люблинских рабочих (на водопроводных и электрических станциях, городских ж. д. и т. д.). Неожиданным явился ее успех среди сельских рабочих. Целый ряд энергично проведенных стачек прежде всего укрепил в них сознание своих экономических интересов; но стачки

эти имели также не малое политическое значение. Промышленные рабочие в подавляющей части своей все еще лишены работы, и само собою ясно, что эта безработная масса—элемент, мало пригодный для планомерной политической борьбы. Революционная пропаганда, конечно, оказывает влияние на них, и в своих демонстрациях они все чаще выставляют коммунистические лозунги, но решительных действий со стороны безработных можно ожидать только при крайнем обострении политической ситуации, когда самые широкие пролетарские круги убедятся в неизбежности политического переворота.

И нужно отдать справедливость польскому правительству: оно делает все, что может, для ускорения этого процесса. Если не считать правительства Эберта—Шейдемана в Германии, вряд ли можно найти другое правительство, которое бы так усердно подготовляло свою собственную гибель, как правительство господина Пилсудского, обрекающего себя на верную смерть своим тупым непониманием положения, пренебрежением ко всякой сознательной деятельности, своей политикой голого насилия и преследований рабочего движения.

Пока война все еще позволяет этому правительству держать массы под националистическим гипнозом. Применяемые при этом приемы представляют собою рабское подражание приемам немецких политиков: новоиспеченные «государственные управители» Польши не даром прошли школу Безелера, Фалькенгейма и компании, и их обезьянье подражание ухваткам этих «мировых властителей» доходит до смешного. Даже речь их—не более, как перевод с немецкого: так и слышится хриплый фельдфебельский окрик.

Беспощадная война против войны—такова настоятельнейшая задача польских коммунистов, и они выполняют ее изо всех сил. Этим они бьют господствующую клику по самому больному месту и помогают европейской революции.

Наметить перспективы польского революционного движения для ближайшего будущего особенно трудно по той причине, что «независимая» Польша всецело зависит от хода вещей во всей остальной Европе. Например, коммунистический переворот в Германии вызвал бы в ней немедленное отражение. Не в меньшей степени Польша зависит и от стран Согласия. Достаточно изменения, по тем или другим причинам, английской и французской политики, ныне стремящейся из Польши сделать таран для сокрушения большевизма,—и все великолепие нынешнего правительства рухнет, как карточный домик. Поэтому возможно, что польскому пролетариату еще долго придется занимать оборонительную позицию против капитализма; но также возможно, что он вдруг встанет лицом к лицу с задачей захвата власти в свои руки.

Польской коммунистической партии остается только продолжать свою работу, ни на минуту не теряя из виду своей главной цели—диктатуры пролетариата.

7. Польша в войне против Советской России.

Осенью, 1919г., когда были писаны предыдущие главы, наступление Польши против Советской России приостановилось. Польские войска, дошедши в Белоруссии до Березины, заняли выжидающее положение. Это было время, когда Деникин и Юденич стремились нанести пролетарской республике смертельный удар. Нет сомнения, что как раз в это время державы Согласия подстрекали Польшу к наступлению. Если она не напрягла все усилия, чтобы атаковать в этот момент, то на это имеются, вероятно, разные причины. Во-первых, опасность со стороны Германии была очень серьезна и польское правительство не решалось бросить на восточный фронт все имеющиеся в его распоряжении силы. Во-вторых, не было еще полного согласования между Варшавским правительством и Познанью. В-третьих,—и это, вероятно, решающий фактор—польское правительство, очевидно, не желало содействовать победе Деникина, сознавая опасность для Польши полного торжества реакции в России. Господа Пилсудский с компанией сочли более удобным для себя, чтобы гражданская война в России продолжалась до полного истощения народных сил, и, вопреки Антанте, не помогли Деникину. Они оговаривались тем, что польская армия не приспособлена к зимней кампании и в этом были отчасти правы: Антанта снабжала эту армию очень скудно и особенно экипировка теплой одеждой была из рук вон плоха.

Советская Россия в это время делала все усилия, чтобы разрешить конфликт с Польшей мирным путем: и если бы польское правительство захотело, оно могло бы заключить мир на самых выгодных для себя условиях. Но оно не захотело. Советское правительство продолжало свою мирную политику по отношении к Польше и тогда, когда Деникин был разбит окончательно, когда миновала опасность на южном, восточном и северном фронтах, — в январе и феврале 1920 г., — Советское правительство сделало Польше предложение о переговорах, которые свидетельствуют о его готовности заплатить высокую цену за мир.

Варшавское правительство притворялось, что оно готово вступить в переговоры, но поставило заведомо неприемлемое условие: вести переговоры в местечке Борисове, в прифронтовой полосе, с тем, что только на маленьком участке фронта будет заключено перемирие, а на всем остальном фронте могут

итти бои. Теперь конечно, ясно, чем было вызвано это нахальное предложение: в это время уже состоялось соглашение г. Пилсудского с Петлюрой, состоящее в том, что польская армия пойдет в Украину, чтобы завоевать ее с целью создания «самостоятельного» кулацко-буржуазного государства. Видимо, г. Пилсудский с компанией считали, что Советская Россия принуждена «просить о мире», что они могут ей диктовать «новый Брестский мир».

Но спрашивается, почему Польше нужна эта немецкая концепция? почему ей необходимо вести войну для создания «государств буферов», отделяющих ее от России? Ответ на это может быть только тот, что Польше, капиталистической Польше, это не нужно, да оно и неосуществимо. Такие концепции были возможны для Германии, но они бессмыслены для Польши. Германия, если бы за ней осталась победа, могла рассчитывать на то, что «самостоятельные» государства, созданные ей на окраине бывшей Российской империи,—Польша, Литва, Латвия, Белоруссия, Украина, будут во всех отношениях, и политически и экономически, зависимы от нее. Они будут враждовать между собой и в этих драках Берлин будет арбитрально решать вопросы; они будут «гинтерляндом» для немецкой промышленности, оставаясь странами чисто аграрными, в которых финансовый капитал Германии будет руководствовать производством продовольствия и сырья. Это был во всяком случае реально обдуманный план. Но для Польши все это не сбыточно. Ее разрушенная промышленность не может мечтать о господстве на этих рынках, финансовая сила отсутствует, а удержать в политической зависимости Украину и Белоруссию, где крестьянское население поголовно дышит жгучей ненавистью к польским панам, Польша никогда не сможет. Это вполне сознают и ясно высказывают представители буржуазии, вожди единственной серьезной политической партии—«национальной демократии». Потому эти господа и ставят вопрос ясно: Польша должна, пользуясь созданным положением, захватить то, что она сможет удержать за собой, а именно—западную Белоруссию включая Гродно и Вильно, потому что там польский элемент довольно многочисленен, а белорусское население исповедует католичество и потому поддается ассимиляции с Польшей; дальше, на тех же основаниях западные части Украины—Подолию и Волынь. Это явный, наглый, ничем неприкрытый захватный империализм, ибо никаких моральных прав на господство над населением этих земель Польша предъявить не может, но в этом имеется реальный политический смысл. Другое дело политика Пилсудского с компанией: тут все расплывчато, неясно, романтично и лживо, прежде всего лживо! «Нужно восстановить границы

1772 г.». Почему нужно, кому нужно—неизвестно. «Польша отстаивает права народов, изнасилованных царской Россией, на свободу». Кто ее об этом просил, кто ей дал мандат—неизвестно. Но известно, в чьих это интересах: в интересах самой реакционной части польских помещиков, подольских, волынских, гродненских зубров, которым важно удержать свои латифундии. «Польша является носителем культуры в этих восточных своих окраинах». Это ложь. Польская демократия имеет в этих областях одну только задачу—поскорее заставить забыть мир о тех кровавых преступлениях, которые польская шляхта в течение веков совершала над украинским и белорусским крестьянством. Но подоплека тут ясна: проголодавшаяся интеллигенция, которую во время чужеземного ига над Польшей не пускали на государственные должности алчет постов, местечек, синекур в Украине и Белоруссии. Это она называет «совершать культурную миссию».

Несчастие Польши состоит в том, что, как было сказано, власть захватили проходимцы, за которыми реальной силы нет, кроме армии, которую они создали при помощи и по приказу Антанты. Они-то и проводят эту политику романтизма и бессовестной лжи. Но их поддерживает, кроме зубров-помещиков и алчных карьеристов-интеллигентов, пока еще часть буржуазии, поддерживают те, кому выгодна война. А их много! Война создала в разоренной Польше вакханалию спекуляции, создала новый слой не капиталистов, а просто жуликов, и это жулье поддерживает «благородную, доблестную, самоотверженную политику великого вождя, мужа, посланного Польше провидением, Юзефа Пилсудского».

А государства Антанты не то порицают, не то поддерживают эту авантюру. Это политика на-авось! В делах Советской России разобраться трудновато; если Пилсудский сможет некоторое время устоять, то, быть может, возникнет опять какая-нибудь колчаковщина или деникинщина и проклятые большевики сломят шею. Авось!.. Финансировать серьезно эту Польшу Пилсудского не стоит—рисковано! Но послать ему несколько сот офицеров-авантюристов, которым на родине делать нечего—можно; это ничего не стоит. Продать ему старые пушки и залежавшиеся снаряды—тоже можно; это даже выгодно.

Вот почему приходится Красной армии пролетарской России разбивать польскую армию, брошенную правительством проходимцев против Советской России.

Москва, в июне 1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

1) «Польский вопрос» в буржуазной и в пролетарской революции.
2) Социальные отношения в польских землях до мировой войны.
   А. Польские земли под царским игом.
   Б. Галиция.
   В. Польские земли под прусским игом.
3) Польские земли к моменту начала войны.
4) Возникновение нового польского государства.
5) Польша на службе у стран Согласия.
6) Польская коммунистическая партия.
37) Польша в войне против Советской России.